

В.Г. Борботько

**СИНЕРГЕТИКА
КОНТЕКСТА
И КОММУНИКА-
ТИВНОГО
МЕТАБАЗИСА**

Рассматриваются синергетические явления в языке и дискурсе, связанные с понятиями контекста, базового и фазового состояний языковой системы. Автором вводится понятие коммуникативного метабазиса как ситуативного контекста высказывания и предлагается описание динамики создания языковых ценностей. Цель работы — привлечь внимание к проблемам синергетики языка и дискурса.

Борботько

Владимир Григорьевич — докт. филол. наук, доцент; профессор кафедры французского и немецкого языков Сочинского государственного университета туризма и курортного дела

© 2007 г. В.Г. Борботько

Понятия контекста и метабазиса

Отношения между языковой единицей и ее дискурсивным контекстом продолжают оставаться наименее изученной областью в лингвистической науке. Несмотря на то что ссылка на контекст является атрибутом многих публикаций, относящихся к семантике слова и к сфере перевода, собственно контексту посвящено сравнительно небольшое число работ, действительно вскрывающих сущность этого феномена. Это работа Зеллига Хэрриса по анализу дискурса, исследующая дистрибутивные характеристики языковых единиц, согласно которым в дискурсе различаются алловарианты единицы, попавшей в разные контексты, и «эквиварианты» разных единиц, попавших в тождественные контексты [Harris, 1952]. Разнообразные моменты в семантике контекста исследовал Г.В. Колшанский (1980).

Контекст — это лингвистическое окружение языковой единицы. Но понятие контекста часто используется в широком смысле, включая в себя все факторы, сопутствующие вербальной коммуникации, от конкретной ситуации общения до всей совокупности культурных и социальных условий, определяющих смысл коммуникативных актов [Колшанский, 1980, с. 38]. Исследователи дискурса различают различные составляющие контекста: речевую (отношения между единицами внутри дискурса), экзистенциальную (мир предметов и явлений), социальную (ролевую, институциональную), психологическую, учитывающую коммуникативные интенции говорящих, и др. (см. [Макаров, 2003, с. 147]).

Расширительное использование термина «контекст» для обозначения обстоятельств коммуникации вполне допустимо, однако не совсем точно терминологически. Контекст языковой единицы — это все-таки окружающий ее текст. Поэтому следует говорить не о ситуационном контексте, а о коммуникативном *метабазисе*, который, наряду с системным языковым базисом и вместе с ним определяет смысл высказывания и его элементов. В таком представлении собственно контекст как лингвистическое окружение единицы будет частным случаем метабазиса, его вербализованным аналогом.

Некоторые исследователи понятие контекста полагают избыточным, считая, что каждый индивид обладает определенной «концептуальной системой», которая и является «главным измерителем языковой единицы и установителем ее свойств» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 17]. Контекст, однако, является объективной величиной, которую трудно игнорировать. Можно, конечно, абстрагироваться от метабазиса (среды общения), но в реальных ситуациях общения он постоянно заявляет о себе и, по-видимому, может играть важную роль, сопоставимую с ролью собственно лингвистического контекста.

Смысловые отличия единиц языковой системы (слов, словосочетаний, фраз) от их речевой реализации могут быть настолько значительными, что иногда в порождаемом дискурсе даже усматривается особый язык [Степанов, 1998, с. 671]. Дело в том, что при производстве дискурса происходит преобразование исходного, *базового* состояния языковой системы под влиянием коммуникативного метабазиса, и она принимает иное, *фазовое* состояние, которое манифестируется в высказываниях. Базовое состояние языка — это система обобществленных ценностей, в которой, по-видимому, важное место занимает система концептуальных представлений мира, схваченных посредством языка.

Порождая дискурс, система естественного языка перестраивается, образуя множество фазовых состояний, отличных от базового, и каждое из этих состояний может претендовать на статус подсистемы, или подъязыка, в той мере, в какой данное фазовое состояние закрепляется в коммуникативном процессе, т. е. берется на вооружение той или иной социальной группой. В определенных ситуациях фазовое состояние языка может обособиться от базового и образовать отдельный, автономный язык. Эти процессы имеют место при возникновении специфических социальных (профессиональных) подъязыков; в истории языка мы наблюдаем то, как устойчивые фазовые состояния одного и того же языка становятся его диалектами и в конечном счете — отдельными языками, обособляясь друг от друга. Система в диахронии образует свою фазовую (эволюционную) траекторию со сменой базовых синхронических состояний, в силу чего тексты через несколько поколений уже воспринимаются как архаичные, а затем становятся

малопонятными и вовсе непонятными. На каждой ступени синхронии множество фазовых состояний в моменты коммуникации оказывает обратное действие на систему, и она перетекает в новые базовые состояния, вбирая в себя фазовые инновации, оттачивая и шлифуя прежние и вновь возникшие формы.

Коммуникативный метабазис не есть нечто абсолютно внеположное человеческому сознанию, иначе он бы не играл никакой роли в формировании смыслов высказывания. Но не следует считать, что он всегда находит свое полное отображение в концептуальной сфере человеческой психики, которая представляет собой продукт действия рефлексии многих индивидов — членов языкового коллектива. Значительная часть коммуникативного метабазиса регистрируется сознанием не в концептах (понятиях), а в перцептивных образах окружающего мира, что является вполне достаточным для коммуникативного поведения во множестве бытовых ситуаций, когда наличные предметы и явления не требуют своей вербализации, когда коммуникация, погруженная в среду, может полностью сводиться к примитивным междометным фразам, клише и стереотипам.

С точки зрения синергетики, фазовые состояния системы могут быть представлены как серии «катастроф», происходящих в результате катализа (расщепления и перестройки) базового состояния под действием внешнего аттрактора (см. [Том, 1975]), в качестве которого способен выступать коммуникативный метабазис. Во взаимоотношениях языковых единиц с контекстом и с коммуникативным метабазисом, по-видимому, проявляют себя аналогичные синергетические механизмы, изучение которых было выдвинуто в качестве перспективного направления лингвистики [Пиотровский, 1995].

Взаимоотношения слова и контекста

Г.В. Колшанский, исследуя семантику контекста, главное внимание уделял коммуникативной функции языка, считая дискурсивный контекст отрезком коммуникативного процесса, в котором разрешается многозначность языковых единиц, но также может возникать и неадекватная контекстная интерпретация некоторых малоизвестных слов [Колшанский, 1980, с. 102]. Но коммуникация — это процесс сообщения информации, тогда как процедуры интерпретации принадлежат сфере рефлексии. Коммуникация может протекать и в автоматическом, нерелефлексивном режиме, если она построена на стереотипных высказываниях с тривиальной информацией. Рефлексия вступает в действие при необходимости исчисления отношений между языковыми единицами и контекстом.

Какого же рода отношение между языковой единицей и ее контекстом можно считать определяющим?

В строгом (математическом) смысле контекст есть дополнение языковой единицы до целого текста, в котором она употреблена; соответственно, сама эта единица является в рамках целого дополнением по отношению к своему контексту. Единица, таким образом, находится со своим контекстом в отношении структурной *симптосимметрии* — взаимной дополнительности. Симметрия этого рода — широко распространенное явление, наблюдаемое в повседневной жизни, когда два предмета идеально подходят друг к другу: болт и гайка, ключ и замочная скважина, дверь и дверной проем. Можно сказать даже, что отношение симптосимметрии представляет собой важнейшее отношение в деятельности человека, согласно которому он стремится упорядочить свое окружение. Каждой вещи отводится свое место, каждый индивид занимает свою ячейку в обществе, свою «экологическую нишу», даже поступки и способы одеваться должны быть уместными и своевременными, а предметы, которыми случайно пользуется человек — подходящими. Нарушение симптосимметрии приводит если не к хаосу, то, по крайней мере, к ощутимым неудобствам. Процессы того же рода наблюдаются и в физическом мире, и в социальном, и в отношениях слова и контекста (метабазиса).

В тексте тоже нельзя произвольно заменить одно слово на другое, это слово должно быть «подходящим». В идеале симптосимметрия должна соблюдаться и в структурном, и в семантическом плане. Только при этом условии имеет место полное согласование единицы и контекста. Формальное отклонение от симптосимметрии (в том числе опечатка, грамматическая ошибка) автоматически вызывает действие рефлексии по устранению неточности. Контекст может быть, с одной стороны, «родным» для единицы, гомогенным, типовым (регулярным), исконным (первичным), стандартным; с другой стороны, возможны контексты «неродные», гетерогенные, вторичные, нестандартные. В гомогенных контекстах языковое выражение занимает совершенно естественную позицию, которая характеризуется как нейтральная, не маркированная, и отношение между словом и контекстом оказывается симптосимметричным как в структурном, так и в семантическом отношении, не требуя никакой дополнительной подстройки. Попадая в гетерогенный контекст, языковое выражение вступает с ним в противоречие, требующее своего разрешения.

Семантическое отклонение от симптосимметрии вызывает эффект контекстного катализа — семантическую калибровку единицы: смысл единицы «подгоняется», подстраивается под контекст, что порождает ее алловариант. Если же это по каким-то причинам невозможно, то в жертву должен быть принесен смысл всего контекста, который адаптируется к данной единице. В последнем случае можно говорить о том,

что слово занимает в контексте сильную позицию, и само становится катализатором последнего.

Слово, стоящее в слабой позиции, претерпевает разного рода семантические сдвиги, получает переносные значения в результате своей контекстной транспозиции (семантической транспозиции). Семантическая калибровка слова нередко влечет и его формальные изменения. Переходя из одной грамматической категории в другую в результате функциональной транспозиции, слово может получить соответствующий формальный показатель (фр. *savoir* — знать, *le savoir* — знание), а семантическое изменение слова может сопровождаться его формальным расподоблением (ср.: *языковый* и *языковой*).

Слово, стоящее в сильной позиции, оказывает катализирующее воздействие на контекст. Смысл целого может измениться на противоположный уже в зависимости от употребления от того или иного союза, от постановки отрицания. Катализирующее свойство слова используется в поэзии. Особенное словоупотребление вызывает эффекты гораздо более значительные, чем всевозможные тропы — метафоры и метонимии. Слово-катализатор способно разрушить исходный смысл контекста, вызвать его саморасподобление, приводящее к нетривиальным последствиям для смысла вплоть до образования аллоконтекстных структур. Сюда относятся, в частности, так называемые неожиданные словоупотребления, создающие парадоксальные каталитические эффекты, в том числе иронию, всевозможные каламбуры и т. д. Полученные таким образом структуры, в отличие от метафорических, не поддаются клишированию, они неповторимы, легко узнаваемы и афористичны. Но способы их формирования не поддаются традиционным объяснениям, что требует отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Говоря о смыслопорождающем свойстве контекста, можно отметить явление контекстной семантизации слова: впервые встреченное слово (в том числе и созданное автором) может не иметь толкования в словарях, и единственным основанием его осмысления оказывается тот контекст, в котором это слово употребляется. Реципиент открывает для себя значение слова выводным путем. Можно сказать, что слово самоопределяется в контексте. С этим явлением часто сталкиваются переводчики, но оно имеет место и в повседневной реальности, когда судят о значении слова, исходя только из речевого контекста. Очевидно, что это происходит за счет усилия рефлексии, производящей контекстную интерпретацию слова. При этом первичная контекстная семантизация может быть лишь приблизительной, а иногда и вовсе неадекватной. В дальнейшем, когда это же слово проходит через многие контексты, его смысл все более уточняется. Полнозначное слово, занимающее контекстно-сильную позицию способно обращаться в языковой символ, свертывающий в себе смысл целого дискурса (см.

[Борботько, 2006а, с. 145–147]), что и позволяет рассматривать язык не только как знаковую, но и как символическую моделирующую систему [Бенвенист, 1976, 89].

Коммуникативный метабазис, как и контекст, прежде всего, управляет смыслом высказываний, но, по-видимому, не следует исключать и такие случаи, когда высказывание попадает в сильную позицию по отношению к коммуникативной ситуации. Являясь катализатором базового состояния системы, метабазис определяет не только ее функционирование в различных фазовых состояниях. С метабазисом следует связать и само возникновение языка, его формирование как системы ценностей особого рода, способной обеспечить аналитическое исчисление элементов и явлений реального мира, а затем и синтетическое исчисление — моделирование виртуальных миров.

Метабазис и формирование языковых ценностей

Со времени выхода «Курса общей лингвистики» Соссюра прошло почти сто лет, но выдвинутая им идея о ценностном характере языка не претерпела существенного развития. Языковые ценности (*valeurs*) рассматриваются главным образом на генерализованном, категориальном уровне на фоне статичного синхронического состояния системы. Каждая ценность в системе определяется отрицательно: она то, чем не являются другие ценности [Соссюр, 1977, с. 149]. Между тем вполне очевидно то, что система языковых ценностей динамична: ценность ее единиц варьирует во времени, и они переходят из одной парадигмы в другую, претерпевая редукцию форм и семантический дрейф; некоторые единицы обесцениваются, теряют свою выразительность или вовсе выходят из употребления, сменяясь вновь порожденными. Статическое представление системы препятствует выяснению самого механизма создания языковых ценностей, который уместно связать с динамикой отношений системы и ее метабазиса.

Встреча человека с объектом может результатиться ценностным определением этого объекта, но для этого нужна мера его ценности — некий аксиометр. В любых измерениях — языковых и неязыковых — есть *объект* измерения, *оператор* измерения (мера) и *результат* измерения (оценка). Но есть еще и обстоятельства измерения, которые лежат в самом *основании* ценностного представления наших образов мира. Измеряя, мы выясняем не только соответствие меры и объекта, но главным образом то, насколько измеряемый объект нам «подходит», удовлетворяет задаче нашей деятельности, ее деятельностному контексту, т.е., метабазису исчисления. Так вступает в силу момент симметрии и вытекающей из него позитивной или негативной оценки, завершающейся выбором: то, что подходит — принимается, то, что не

подходит — отвергается. При этом в качестве важнейшей меры ценностного соответствия привлекается действие. Именно посредством действия субъект устанавливает пригодность / непригодность предмета, которая резюмирует его практическую ценность, то, насколько он «вписывается» в метабазис данной деятельности, насколько удовлетворяет требованиям симптосимметрии.

Метабазисное определение ценностных свойств объекта исторически предшествует всем последующим ступеням исчисления ценностей. В нем можно усмотреть зародыш первичной, практической рефлексии — высшей психической функции человека, реализующей фазовую синхронизацию динамики субъекта и среды. Согласно В. фон Гумбольдту, «язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии» [Гумбольдт, 1984, с. 301]. Именно рефлексия выработала для выражения действий субъекта, соизмеряющих свойства объекта и среды, специальные операторы, закрепившиеся в речедвигательной форме и составившие ядро будущей языковой системы. В ценностной параметризации мира средствами развитого языка идея предмета может быть представлена через выражение его признаков и свойств или же через другой предмет, сходный с подлежащим измерению (путем сравнения или метафоры), но важнейшей мерой предметов по-прежнему служат единицы, которые выражают совершаемые с ними действия.

Автор математической теории катастроф Рене Том продемонстрировал на языковом материале фундаментальные характеристики в поведении живых систем — морфологии взаимодействия субъекта и объекта [Том, 1975, с. 211]. В частности, это «морфология захвата» и «морфология отчуждения», которым семантически соответствуют идея соединения и разъединения субъекта и объекта. Эти морфологии-архетипы реализуются в физических действиях, которые включают в себя аксиологические моменты. Захват объекта — это его притяжение субъектом и тем самым предпочтение, одобрение, приятие. Отчуждение объекта — это его отталкивание субъектом и тем самым отвергание, неприятие. Тот же принцип действует и тогда, когда субъект манипулирует двумя сущностями, соединяя и разъединяя их, находясь по отношению к ним во внешней позиции. Каждое действие такого рода — это не только одна из фаз взаимодействия субъекта и объекта, но одновременно и практическая рефлексия, устраняющая противоречие, имеющееся в деятельности: разъединить — значит устранить неподходящее единство, соединить — устранить неподходящую разобщенность.

Р. Том считает морфологии захвата и отчуждения фундаментальными для синтаксиса языка: они формируют структуры простых транзитивных фраз, в которых подлежащее соответствует актанту-субъекту, а дополнение — актанту-объекту [Том, 1975, с. 207]. Первичная пара-

метризация этих актантов осуществляется путем автокатализа глагольного предиката (его саморедупликации), выражающего действие, который проецируется и на субъекта действия (тот, кто захватывает), и на объект действия (то, что захватывается). Но фундаментальность этих морфологий проявляет себя и в артикуляционном плане: образ-архетип формируется как речедвигательная копия физического действия, которая находит свое непосредственное выражение в консонантной фоносинтагме языковой единицы — *фонокинеме* — и может быть выявлена в корнях базовой лексики различных языков.

Морфология захвата обнаруживает себя в глагольных корнях, содержащих фонокинемы типа **hM** — с лабиальной согласной (m, b, p, v) в исходе, причем первая согласная в них может варьировать, в результате чего получаются фоносинтагмы вида tm, km, nm, hp, hb, sm, kp, tp и т.д., например: нем. *nehmen* ‘брать’, *happen* ‘хватать’, *haben* ‘иметь (захваченным)’, англ. *have* ‘иметь’, *keep* ‘держат’, рус. *жму* (*сжимать*), *ломать*, *губить*, *ловить* и разг. *ханать*; лат. *simo* ‘собирать’, *capio* ‘хватать’, *habeo* ‘иметь’; ср. также исп. *tomar* ‘брать’ и брет. *tapout* ‘хватать’. К указанному архетипу восходят имена многих орудий действия, например, гот. *harpria* (‘топор’, от *happen* ‘хватать’, давшее позднее фр. *hache* ‘топор’; сюда же относятся рус. *топор*, *копье*, *лапа* и такие интернационализмы, как *лампа* (от греч. *lampeo* ‘хватать’), *рапира* (от лат. *rapio* ‘хватать’). Эта фонокинема может быть мерой для любого захватываемого объекта: лат. *lapis* (камень), рус. *камень* и *ком*; гр. *topos* (место) и лат. *campus* ‘поле’ (первоначально — захваченный участок земли).

Морфология отчуждения, отталкивания, запечатлена в соответствующих фонокинемах типа **hN** — с апиальной согласной (n, d, t) в исходе, таких как gn, dn, mn, bt, rt, kd и т. д.; например: рус. *гнать*, *бить*, *катить*, *водить*, *метать*, *кидать*, *пнуть*, и др.; ср. греч. *doneo* ‘гнать’, *kineo* ‘двигать’, *teino* ‘толкать, тянуть’; лат. *mino* ‘гнать’ (откуда фр. *mener* ‘вести’), *tendo* ‘тянуть’, *batuo* ‘бить’, *caedo* ‘бить’, *cudo* ‘бить, толочь’, *moto* ‘двигать’, *roto* ‘крутить’ и т. д. Фонокинемы отчуждения представлены также во множестве отглагольных лексем. Остальные типы фонокинем выражают вариации соединения и расщепления сущностей и достаточно просто выявляются в лексических корнях индоевропейских и других языков (см. [Борботько, 2006, с. 138–145]).

Фонокинемы — это первичные микромодели взаимодействия сознания человека с метабазисом, составившие архетипическое ядро языковой системы, развитие которого привело к образованию системы базовых ценностей. Их комбинаторика в разнообразных фазовых состояниях сделала возможным производство дискурсивных моделей высших порядков [Борботько, 2006]. Среди этих моделей не только модели реальности, но и модели того, что не существует, т. е. квазиреальная модель (повести, рассказы), ирреальная модель (сказки, мифы).

В особые классы выделяются модели аллегорическая (иносказание) и категориальная (представляющая мир в ценностных оппозициях). Модель каждого нового порядка строится из материала предшествующих моделей, подвергаемого формальным и семантическим преобразованиям.

Иногда для получения новой модели достаточно семантической транспозиции уже существующей формы при посредстве катализирующего метабазиса. Например, ирреальная (абсурдная) модель может быть достроена таким метабазисом, который преобразует ее в реальную: *Слепой увидел, немой закричал. — Это были разведчики, которые притворялись увечными, выполняя свое задание.* При изменении метабазиса одно и то же высказывание может быть трансполировано в дискурсивные модели разных уровней, выступая при этом в своих алловариантах, ср.:

– *В горах сходят лавины* (Смотрите!) — модель воспринимаемой реальности;

– *В горах сходят лавины* (Это достоверно) — модель квазиреальности;

– *В горах сходят лавины* (Это — истина) — категориальная модель;

– *В горах сходят лавины* (Большое дело сопряжено с риском) — модель-аллегория.

К этим алловариантам, зависимым от метабазиса, можно присовокупить и другие варианты, например, модель ирреальную — фантазмагорию: *В горах сходят Лавины* (где *Лавины* — некие фантастические чудовища). В данном случае слово *Лавины* имеет особенное употребление и занимает сильную контекстную позицию, выступая катализатором преобразования исходной фразы в ирреальную модель. В качестве примера катализа целого дискурса можно привести ввод особенного (чудесного) актанта — *Воланда* — в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что влечет метаморфозу всего дискурсивного метабазиса и преобразование модели реальности в дискурсивную фантазмагорию.

Но приведенное выше высказывание — *В горах сходят лавины* — может фигурировать и в сильной позиции по отношению к своему коммуникативному метабазису, выступая в коммуникативно-регулятивной функции и выражая, одновременно с буквальным, разного рода косвенные и суггестивные смыслы, например: сообщение (Знайте!); предупреждение (Будьте осторожны); намек (Туда ехать не надо); запугивание (Откажись от путешествия!); пренебрежение (Ну и что же? Подумаешь!); подтекст (Есть дела и дома) и пр. Смыслы, полученные в данном примере, можно расценивать как импликации разных вариантов психологической составляющей коммуникативного метабазиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
2. *Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2006.
3. *Борботько В.Г.* Язык как планетарный феномен: символы и архетипы в коллективной рефлексии // Глобализация этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. I. М., 2006а. С. 139–163.
4. *Герман И.А., Пищальникова В.А.* Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
5. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. М., 1984.
6. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
7. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
8. *Пиотровский Р.Г.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания на рубеже XX в. // Лингвистика на исходе XX в.: Итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. Ч. 2. М., 1995. С. 417–419.
9. *Соссюр Ф., де.* Труды по языкознанию: Пер. с франц. М., 1977.
10. *Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. М., 1997.
11. *Том Р.* Топология и лингвистика: Пер. с франц. // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. Вып. 1. С. 199–221.
12. *Harris Z.* Discourse analysis // Language. Baltimore, 1952. Vol. 28. P. 1–30.